

БЕЗДНА ЧЕЛЛЕНДЖЕРА

НИЛ ШУСТЕРМАН

Иллюстрации БРЕНДАНА ШУСТЕРМАНА

Перевела с английского Екатерина Морозова

POPCORN BOOKS

Москва

УДК 821.111
ББК 84(7Coe)-44
Ш97

CHALLENGER DEEP
by Neal Shusterman

Published by arrangement with HarperCollins Children's Books,
a division of HarperCollins Publishers and Synopsis Literary Agency

Все права защищены. Любое воспроизведение,
полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах,
а также запись в электронной форме для частного или публичного
использования возможны только с разрешения правообладателя.

Ш97 **Шустерман, Нил.**

Бездна Челленджера : [роман] / Нил Шустерман ; пер. с англ. Е. Морозова. — Москва : Popcorn Books, 2019. — 352 с. : ил.

ISBN 978-5-6042196-5-2

Кейдену Босху — пятнадцать, он отличник, а еще замечательный художник. В последнее время он все чаще бродит по городу наедине со своими мыслями. Друзья и семья замечают, что он стал каким-то растерянным и задумчивым. Кейден много рисует, рисует что-то чересчур странное и непонятное. А еще ему кажется, что одноклассник хочет его убить...

В то же время Кейден путешествует на огромном корабле. Его миссия — добыть несметные сокровища в Бездне Челленджера.

Только вот в настоящем мире Бездна Челленджера — это бездна безумия, в которую Кейден с каждым днем погружается все глубже.

Нил Шустерман написал очень личную книгу, в которой пытается разобраться с тем, каково это — «плыть темными, непредсказуемыми водами душевной болезни».

УДК 821.111
ББК 84(7Coe)-44

© Екатерина Морозова, перевод на русский
язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление.

Popcorn Books, 2019

CHALLENGER DEEP

Text copyright © 2015 by Neal Shusterman

Interior illustrations copyright © 2015 by Brendan
Shusterman

Cover art © 2015 by Andy Bridge

All rights reserved.

ISBN 978-5-6042196-5-2

Посвящается доктору Роберту Вудсу

Благодарности

«Бездна Челленджера» — плод любви, который мы создавали много лет. Прежде всего я хочу поблагодарить моего сына Брендана за его вклад в эту книгу, моего другого сына Джаррода за его чудесные буктрейлеры и моих дочерей Джоэль и Эрин за то, что вдохновляли меня (и вообще они замечательные). Хочу выразить глубокую благодарность моему редактору Розмари Броснан, помощнику редактора Джессике Маклиш и сотрудникам издательства HarperCollins за все, что они сделали ради моей книги. Спасибо моим ассистентам, Барб Собель и Джессике Уидмер, помогавшим мне не забывать о социализации и публичных выступлениях. Хочу также поблагодарить общество Orange County Fictionaires за многолетнюю поддержку и конструктивные отзывы, Национальный альянс по психическим заболеваниям (NAMI) за всю предоставленную информацию, и, наконец, моих друзей, которые всегда были рядом.

Спасибо вам! Моя любовь к вам глубже Марианской впадины!

1. Фи-фай-фо-фам

Ты знаешь два факта. Первый — ты там был. И второй — тебя там быть не могло.

Чтобы удержать в голове эти две несовместимые истины, надо уметь жонглировать. Конечно, чтобы смотрелось эффектно, жонглеру нужно три мячика. Третий — время, и оно отлетает под такими непредсказуемыми углами, что я никому не пожелаю испытать это на себе.

Сейчас пять утра. Так показывают часы на батарейках, висящие на стене твоей спальни. Они тикают очень громко, и тебе иногда приходится душить их подушкой. Здесь пять утра, а где-нибудь в Китае в то же время пять вечера — как видишь, в мировых масштабах несовместимые факты отлично ладят меж собой. Но ты уже запомнил, что направлять свои мысли в Китай не всегда разумно.

За стеной спит твоя сестра, дальше — комната родителей. Папа храпит. Скоро мама начнет пихать его, пока он не перевернется набок. Тогда храп умолкнет, может быть, до самого рассвета. Все это нормально и привычно — и очень успокаивает.

На участке напротив включаются разбрызгиватели, и их шипение заглушает тиканье часов. Водяную пыль можно учуять в окно — немножко хлорки и уйма фтора. Разве не прекрасно, что у соседского газона будут здоровые зубы?

Это шипят разбрызгиватели, а не змеи.

И дельфины, нарисованные на стене у сестры, ничего не замышляют.

А пугало не наблюдает за тобой.

И все равно иногда ты не можешь спать по ночам, потому что сосредоточенно жонглируешь. А вдруг один из мячиков упадет? Что тогда будет? Ты боишься себе представить. Потому что только этого и ждет Капитан. Он умеет терпеть. И он ждет. Вечно.

Капитан был, еще когда не было корабля.

Странствие началось с него, и ты подозреваешь, что им и закончится. А все, что между, — не более чем мука меж мельничных жерновов. Или это не мельницы, а великаны, мелющие кости себе на хлеб?

Крадись на цыпочках, не то потревожишь их покой.

2. Лететь целую вечность

— Никто не знает, какой она глубины, — произносит капитан. Его левый ус подергивается, как крысиный хвост. — Если упасть в эту темную пропасть, пройдет много дней, прежде чем ты достигнешь дна.

— Но глубину впадины уже измеряли, — осмеливаюсь вставить я. — Туда спускались. Я знаю ее точную глубину — десять километров девятьсот сорок метров.

— Знаешь? — передразнивает он. — Да что может знать пугливый, тощий щенок вроде тебя? Ты не видишь ничего дальше кончика своего мокрого носа! — Он хохочет над тем, как описал меня. Капитан всю жизнь провел в море и весь покрылся морщинами, хотя бóльшая их часть скрыта под темной спутанной бородой. От смеха морщинки натягиваются, и на шее проступают мышцы и сухожилия. — Верно, мореходы, заплывавшие в воды впадины, хвалились, будто видели дно, но они лгут. Лгут и множат ложь, и ложь ложится и лежит, а ты не трожь...

Я уже перестал пытаться понять речи капитана, но они все равно действуют мне на нервы. Как будто я что-то упускаю. Что-то очень важное и обманчиво простое, что я пойму, когда будет слишком поздно.

— Этот путь длится целую вечность, — продолжает капитан. — И не верь тем, кто говорит иначе.

3. Для твоего же блага

Мне снится сон. Я лежу на столе в ярко освещенной кухне, где все сверкает белизной. Кухонная утварь здесь не то чтобы новая — скорее, притворяется таковой. Она из пластика и частично из хрома — но в основном из пластика.

Я не могу пошевелиться. Или не хочу. Или боюсь. Каждый раз, когда я вижу этот сон, все немножко по-другому.

Вокруг меня люди, только это не люди, а замаскированные чудовища. Они залезли мне в голову, выдернули оттуда несколько образов и сделали из них маски моих близких. Но я знаю, что это просто обман.

Они смеются и обсуждают что-то непонятное, а я застыл среди этих масок, в центре всеобщего внимания. Они любят меня — как обычно любят тем, что скоро исчезнет.

— По-моему, ты рано его вынул, — говорит чудовище с лицом мамы. — Еще не готово.

— Проверить можно только одним способом, — отвечает другое, притворяющееся моим отцом. Я чувствую, как вокруг меня все смеются. Смех исходит не изо ртов, потому что рты масок неподвижны. Смех — в их мыслях, летящих в меня из прорезей для глаз, словно отравленные дротики.

— Это для твоего же блага, — произносит одно из чудищ. Их животы урчат громче извержения вулкана. Монстры тянутся ко мне и когтями разрывают свой обед на кусочки.

4. Они до тебя доберутся

Я не помню, когда началось наше плавание. Мне кажется, что я был здесь всегда, хоть это и немыслимо — до этого ведь были прошлая неделя, месяц или даже год. Впрочем, я практически уверен, что мне все еще пятнадцать. Даже если я плавал на этой древней деревянной посудине много

лет, мне все равно пятнадцать. Время здесь устроено иначе. Оно движется не вперед, а вбок, как краб.

Я не знаком с большинством членов экипажа. Или я их просто не запоминаю, для меня все они на одно лицо. Здесь есть старики, они, кажется, прожили всю жизнь на море. Они корабельные офицеры, если можно так выразиться. Как и капитан, эти старики — словно одетые на Хеллоуин пираты с замазанными черной краской вставными зубами; они стучат в ворота ада с криками: «Сласти или напасти!» Я бы посмеялся над ними, если бы не боялся в глубине души, что они выковыряют мне глаза своими пластмассовыми крючьями.

Есть тут и мне подобные — совсем еще дети, за какие-то грехи изгнанные из теплых домов (или из холодных, или вообще с улицы) по тайному сговору родителей, чье недремлющее око видит все не хуже Большого Брата.

Мои товарищи — и мальчики, и девочки — занимаются своими делами и обращаются ко мне разве что с фразами вроде: «Посторонись!» — или: «Руки прочь от моих вещей!» Как будто хоть у одного из нас есть что-то ценное, что стоило бы красть. Иногда я пытаюсь как-нибудь им помочь, но они отворачиваются или отталкивают меня, оскорбленные уже тем, что я предложил помощь.

Мне все время мерещится, что на корабле плывет и моя младшая сестра, хотя я знаю, что ее тут нет. Разве я не обещал в это время помочь ей с математикой? Я представляю, как она ждет меня целую вечность, но не знаю, где она. Я понимаю, что сегодня до нее не дойду. Как я могу с ней так поступать?

За всей командой пристально наблюдает капитан, чье лицо мне одновременно знакомо и незнакомо. Кажется, он знает обо мне все, а я о нем — ничего.

— Мое дело — запустить пальцы в самое сердце *ваших* дел, — сказал он однажды.

У капитана повязка на глазу, на плече сидит попугай. У попугая — тоже повязка на глазу и жетон сотрудника спецслужбы на шее.

— Я не должен быть здесь! — взываю я к капитану, гадая, не говорил ли этого раньше. — У меня контрольные на носу, рефераты не сданы и грязная одежда на полу валяется. А еще меня ждут друзья, много друзей.

Челюсть капитана не двигается — он не отвечает, но попугай произносит:

— Здесь у тебя тоже будет много-много друзей.

Какой-то парень шепчет мне на ухо:

— Ничего не говори попугаю! А то они до тебя доберутся.

5. Я — компас

То, что я чувствую, нельзя выразить словами — или эти слова будут принадлежать языку, которого никто не поймет. Мое подсознание разговаривает на своем собственном наречии. Радость оборачивается злобой, та перетекает в страх, становящийся ироничным удивлением. Ощущение, как

будто ты выпрыгиваешь из самолета, широко раскинув руки, без тени сомнения в том, что умеешь летать, потом понимаешь, что все-таки не умеешь, и летишь не только без парашюта, но еще и совершенно голым, а внизу собралась огромная толпа с биноклями, и все смеются, пока ты пулей летишь навстречу своей постыдной судьбе.

Штурман советует мне не волноваться. Он указывает на блокнот из пергамента, где я рисую, чтобы убить время.

— Выплесни свои чувства в узор и краски, — говорит он. — Узор-позор-пугач-богач, настоящее твое богатство — в рисунках: они хватают меня, кричат мне, заставляют меня смотреть. Мои карты указывают путь, но твое видение дает *направление*. Ты компас, Кейден Босх. Ты компас!

— Если я компас, то толку от меня мало, — замечаю я. — Я даже не знаю, где север.

— Еще как знаешь! — отвечает штурман. — Только в этих водах север постоянно гоняется за собственным хвостом.

Мне вспоминается один мой давний приятель, считавший, что север всегда там, куда он встанет лицом. Пожалуй, в этом что-то было.

Штурман вызвался делить со мной каюту, когда мой прежний сосед, которого я уже с трудом помню, исчез в неизвестном направлении. Здесь мало места даже для одного, однако нас двое.

— Ты достойнейший из здешних недостойных обитателей, — говорит он мне. — Твое сердце пока не пропиталось морским холодом. А еще — у тебя есть дар.

Дар-пар-парус-зависть, при виде твоего таланта весь корабль позеленеет от зависти, попомни мои слова!

Этот парень не впервые на корабле. А еще он дальнорский. То есть если он смотрит на кого-нибудь, то видит не его, а что-то позади, в бесконечно далеком другом измерении. Как правило, он вообще не смотрит на людей: слишком занят своими навигационными картами. По крайней мере, так он их называет. Это нагромождения цифр, слов, стрелок и линий, соединяющих точки-звезды в незнакомые мне созвездия.

— Здесь другие небеса, — объясняет он. — Приходится соединять звезды в новые созвездия. Созвездие-отверстие-отломан-гномон. Нам нужно что-то вроде солнечных часов, чтобы определять, сколько времени прошло. Понимаешь?

— Нет.

— Над морем гроза, гроза-коза. Вот и ответ — коза. Она ест все вокруг, переваривает целый мир, делает его частью узора своей ДНК — и исторгает, помечая территорию. Территорию-историю-споры-разговоры, у меня к тебе важный разговор. Коза — ключ к нашей цели. Все имеет значение. Ищи козу.

Штурман — гений. От одного предчувствия его гениальных мыслей у меня каждый раз голова раскалывается.

— Почему я здесь? — спрашиваю я. — Если все имеет значение, что я значу для этого корабля?

Он продолжает прокладывать курс — дописывает слова и дорисовывает стрелочки поверх старых записей. Там столько наслоений, что лишь он может что-нибудь разобрать.

— Значение-печенье-пирог-порог. Ты — порог, за которым лежит спасение мира.

— Я? Ты уверен?

— Не меньше, чем в том, что мы сели в этот поезд.

6. Так вызывающе

Порог-пирог-пингвин-дельфин — дельфины скачут на обоях в комнате сестры, а я стою на пороге. Дельфинов ровно семь. Я сам их нарисовал, по одному на каждого из «Семи самураев» Куросавы*, потому что мне хотелось, чтобы она все еще ценила их, став постарше.

Сегодня дельфины сверлят меня злобными взглядами. Хотя у них нет противопоставленных больших пальцев, а значит, на мечях драться мы не будем, мне почему-то кажется, что от них исходит угроза. Раньше такого не было.

Папа укладывает Маккензи спать. Для нее уже очень поздно, для меня — нет. Мне как раз исполнилось пятнадцать, ей скоро одиннадцать. Я лягу спать через несколько часов. *Если вообще* засну. Вряд ли сегодня мне это удастся.

Внизу мама разговаривает по телефону с бабушкой. Обсуждают погоду и термитов. Наш дом уже разгрызают на мелкие кусочки.

* Фильм Акиры Куросавы 1954 года. — Здесь и далее прим. ред.